

Микоян посмотрел «Смерть Ивана Грозного» и сказал: все так и было

60-е годы стали для ВЛАДИМИРА ДАШКЕВИЧА решающими. Он закончил институт Гнесиных и стал профессиональным композитором. Писал музыку для спектаклей, которые шли в знаменитых театрах Москвы. Познакомился со многими известными людьми и сам стал известным...

В 1960 году я поступил в институт Гнесиных. По советским законам в музыкальное училище без справки об окончании музыкальной школы меня бы до экзаменов не допустили. А с другой стороны, для поступления в любой вуз, даже музыкальный, достаточно было иметь аттестат зрелости. Поэтому формально меня должны были допустить к экзаменам. Такой вот парадокс. Но форма формой, а экзамены были сложнее. И я пошел готовиться к совершенно гениальному педагогу — Валентину Алексееву даже разозлился. Она задала мне гармоническую задачу, и я записал ее решение как умел, а совсем не по законам гармонии. И она подумала, что я ее разыгрываю — просто не могла поверить, что это была моя первая гармоническая задача в жизни.

Тем не менее дальше у меня стало получаться лучше. Решал по 20–30 задач в день. За полгода я перерешал их столько, что мне хватило потом до 3-го курса.

Я был офицер запаса, и перед поступлением мне пришла повестка на трехмесячные военные сборы. Это было бы трагедией. И тогда я решил взять бюллетень. Для этого я зимой прошел босиком от метро «Кропоткинская» до своего дома. Но даже не чихнул на следующий день. Все-таки я вызвал врача, и когда он пришел, то у меня на нервной почве температура подскочила. А как только врач ушел, она опять упала. Отец, помню, очень осуждал, что симулирую — он с большим пиететом относился к армии. И я поступил в институт Гнесиных.

Мне дали возможность поступать к любому педагогу. Я выбрал класс Арама Хачатуряна в расчете на то, что у меня будет больше свободы и самостоятельности, потому что Арам Ильич был постоянно на гастролях. Арам Ильич оказался замечательным педагогом. У него учились еще Михаил Таривердиев, Алексей Рыбников, Марк Минков. Арам Ильич давал очень много ценных практических советов —

как вести себя с оркестром, как писать так, чтобы хорошо звучало, потому что музыка должна быть в контакте с аудиторией. Это была другая, чем у Каретникова и Гершковича, сторона медали. Те критерии, которые я получил от них, были выше. За ними стояла магия искусства, воспитанного на самых высоких музыкальных идеалах — венской классике, музыке Баха. Арам Ильич научил нас практической стороне композиторской работы.

Кроме того, он никогда на меня не давил и часто даже поддерживал. А на третьем курсе он спас меня от отчисления. Я учился на «отлично», но «заразился» авангардной музыкой, и вслед за мной ею стали увлекаться другие студенты. И тогда ректорат, когда Арам Ильич был на очередных гастролях, меня отчислил. В справке об отчислении было написано — «за неуспеваемость». И когда Арам Ильич приехал и узнал, что его лучшего ученика отчислили, он возмутился и подал заявление об уходе из института. И тогда меня вызвала старейшая основательница института Елена Фабиановна Гнесина. Она обещала все уладить и просила меня уговорить Арама Ильича забрать заявление. Меня восстановили, я получил диплом с отличием. Но справку об отчислении «за неуспеваемость» храню до сих пор. Я вложил ее в мой диплом с отличием.

Мое отношение к Хрущеву было в целом позитивным. Это был гигантский скачок по сравнению со сталинским временем. У творческой интеллигенции появились перспективы — новая поэзия, новая музыка, новый театр. Страна просто поменялась.

Летом 1963–1964 годов я ездил в Тарусу, где познакомился с Надеждой Мандельштам. Это одно из самых сильных моих впечатлений. Она жила в доме поэта Николая Панченко. Я очень подружился с ним, и с его женой Варей. Надежда Яковлевна много рассказывала мне о Мандельштаме, и он стал одним из моих любимых поэтов. Позже я написал большой цикл на его стихи «Сохрани мою речь», который сейчас исполняет Елена Камбурова. Надежда Мандельштам плохо себя чувствовала, но была бесконечно доброжелательна. У нее был невероятно острый ум и высочайшая культура.

Когда я еще учился, произошла моя первая скоростная женитьба. Но через год мы расстались. А уже когда я закончил институт Гнесиных и стал там преподавать, однажды в мой класс пришла скрипачка. Это была моя нынешняя жена — Оля Щиголева.

Тридцатилетний Владимир Дашкевич. Перед первым спектаклем

Первый режиссер, с которым я стал работать в театре, был Леонид Хейфиц. Он ставил спектакли в грандиозном по размерам Театре Советской Армии. Леонид Хейфиц пригласил меня написать музыку к пьесе негритянского драматурга Джеймса Болдуина «Блюзы для мистера Чарли», в которой Америка критиковалась за дискриминацию негров.

Совершенно неожиданно Главное политическое управление армии — Главпур — запретило ставить этот спектакль по непонятным причинам. И тогда художественный руководитель Театра Советской Армии, замечательный артист Андрей Попов предложил Главпуру заменить этот спектакль на знаменитую пьесу Алексея Толстого «Смерть Ивана Грозного». И вот парадокс советской власти заключается в том, что безобидные «Блюзы для мистера Чарли» Главпур запретил, а пьесу «Смерть Ивана Грозного», где были сплошные ассоциации со Сталиным — разрешил.

Леонид Хейфиц поставил спектакль замечательно. Ну что там говорить: с 1965 года он идет до сих пор. Это легендарный спектакль. Андрей Попов феноменально сыграл там царя Иоанна. И когда Главпур увидел, что это за пьеса, что это за спектакль, то, конечно, он его запретил. Но тогда спектакль сдавали долго, и на сдачу можно было приглашать публику. Мы сдавали его полгода. И каждый раз, когда спектакль сдавали, театр был переполнен. Вплоть до того, что приходилось вызывать конную милицию. Когда стало ясно, что основная театральная и художественная часть интеллигенции этот спектакль просмотрела, то Главпуру ничего не оставалось, как принять его. Причем принял его практически без изменений, потому что надо было либо запрещать все, либо все разрешать.

На один из спектаклей пришел член Политбюро при всех режимах Анастас Микоян. После спектакля он собрал творческую группу за кулисами, пришел к нам и сказал всего несколько слов: «Все это так и было». И нам стало понятно, что он имел в виду, что Сталин уничтожал людей не менее лихо, чем Иван Грозный.

После этого я стал очень много работать в театре. В кино меня еще не приглашали. Одна из очень запомнившихся мне работ в театре — спектакль в Театре на Таганке по пьесе Петера Вайса «О том, как господин Макинпот от своих злосчастий избавился». Его ставил Михаил Левитин. Не без некоторого участия Юрия Любимова, который, однако, сохранил всю эстетическую концепцию Левитина. В этом спектакле начинали работать такие замечательные актеры, как Губенко и Высоцкий. Левитин попросил меня написать несколько песен, одна из них была на слова немецкого поэта Ганса Магнаса Энциенсбергера «Люди только мешают». Предполагалось, что ее будет петь Высоцкий. И он подошел ко мне и сказал, что в этом театре все песни для себя пишет он сам. А я возразил, что в своих спектаклях я тоже пишу песни сам. Но так сложилось, что Высоцкий не стал играть в этом спектакле. Мою музыку приняла тогда вся Таганка, и с тех пор я стал там своим. Помню даже, когда музыка записывалась, Юрий Любимов играл на придуманных мною духовых инструментах — манках. На самом деле манок — это пищалка для охоты на лис. Я использовал манки в своей музыке. Любимову они так понравились, что он на записи неистово дул в эти пищалки. У меня до сих пор сохранилась эта запись.